

Saint Petersburg University
Faculty of Asian and African Studies

The Path of Scholarship

*Festschrift in Honour of the 80th Anniversary
of Academician Mikhail Piotrovsky*

The Russian Christian Academy
for the Humanities
named after Fyodor Dostoevsky

St Petersburg

2024

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет

Дорога науки

*Сборник статей в честь 80-летия
академика М. Б. Пиотровского*

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского

Санкт-Петербург

2024

А. О. Победоносцева
(Восточный факультет СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия)

Курдоведение и революция на Востоке: научная деятельность Ф. Б. Ростопчина (1904–1937)

Аннотация. Противоречивая политика коммунистической партии и Советского государства в первые десятилетия советской власти, стремление сочетать защиту интересов страны с продвижением мировой революции вели к серьезным политическим конфликтам внутри СССР и сказывались на развитии отечественной науки. Данная статья рассматривает эту проблему на примере жизненного и творческого пути советского курдоведа и ираниста Федора Ростопчина (1904 – 1938). В ней на основе архивных материалов сделана попытка реконструировать его биографию в контексте развития Советского государства и революционного движения того времени. Он был ярким представителем советского востоковедения довоенной эпохи, для которого был характерен поиск новых путей развития науки в борьбе против колониализма и за национальную и социальную эмансипацию неевропейских народов. Как следствие, Ростопчин не только занимался классическими исследованиями в области иранистики и курдоведения, но и разрабатывал проекты продвижения революции «на Восток» и сотрудничал со структурами Коминтерна. По мере нарастания политического противостояния внутри Советского государства и коммунистической партии и связанных с этим репрессий пострадавшими оказались и блестящие ученые-востоковеды,

особенно связанные с Коминтерном. Одним из них был Ростопчин, который, несмотря на его общую лояльность Советскому государству, был расстрелян, а ряд его поздних работ вышли в свет под чужими именами. (Библиогр. 20 назв.)

Ключевые слова: Коминтерн, советская японистика, советское курдоведение, СССР, экспорт революции.

УДК 94, 929

Angelika O. Pobedonostseva

(Faculty of African and Asian Studies, St Petersburg University, St Petersburg, Russia)

Kurdish Studies and Revolution in the East: the Case of Fyodor Rostopchin (1904–1937)

Summary. In the 1920s and 1930s, the Communist Party and the Soviet Government strived to combine the pursuit of the country's interests with the promotion of world revolution which resulted in serious political conflicts within the USSR and affected the development of Soviet scholarship. The article examines the problem focusing on life and scholarship of Soviet Kurdish and Iranian studies specialist Fedor Rostopchin (1904–1938). Based on archival materials, it attempts to reconstruct his biography studying it in the context of the development of the Soviet state and the revolutionary movement of that time. He was a prominent representative of Soviet Oriental Studies in the pre-WWII period, characterized by searching for new ways of scholarship development, rejecting colonialism and promoting national and social emancipation of non-European peoples. Rostopchin not only engaged in fundamental academic research in the field of Iranian and Kurdish studies but also designed plans for promoting the revolution “in the East” and collaborated with the Comintern bodies. In the period of growing political confrontation within the Soviet state and related repressions, many brilliant Orientalists, especially those associated with the Comintern, also became victims; and one of them became Rostopchin. Despite his general loyalty to the Soviet state, he was arrested and executed; while a number of his later works were published without mentioning his authorship or under someone else's name. Thus, restoring and perpetuating the memory of this prominent scholar and his achievements in the field of Kurdish and Iranian studies, is of particular importance for the history of Oriental Studies in Russia. (Refs 20.)

Keywords: Comintern, Export of Revolution, Soviet Japanese Studies, Soviet Kurdish Studies, USSR.

Вопрос: Способны ли вы на совершение террористического акта?

Ответ: Да, способен, при том условии, если бы было решение Коминтерна.

[А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 12 (об.)]

Человек, произнесший слова, вынесенные в эпитафию, не был безропотным исполнителем партийной линии ВКП(б). Напротив, Федор Ростопчин всячески отстаивал свой неконформизм и сохранял дистанцию от компартии и комсомола. Будучи представителем известного графского рода и правнуком московского градоначальника, якобы сжегшего Москву, чтобы не отдавать ее Наполеону, он мечтал о всемирном освобождении. С этими устремлениями он пришел в науку на заре советской власти и сочетал в ней разработку проектов продвижения мировой революции «на Восток» с основательными классическими исследованиями по курдоведению, истории Ближнего Востока и Средней Азии. Ростопчин остается неизвестным, поскольку даже некоторые крупные его работы вышли под чужими именами.

Опираясь на архивные материалы, в том числе следственные дела, данная статья рассматривает его судьбу, не только чтобы восстановить справедливость в отношении этого забытого исследователя, но и чтобы на его примере показать глубочайший трагизм истории советской науки довоенного времени: оставшиеся зачастую незавершенными передовые антиколониальные и эмансипационные проекты, утраченные возможности в развитии отечественной науки, разрушенные судьбы...

Во многом это было связано с трансформацией самого Советского Союза. В первые десятилетия существования Советского государства большевистская политика пролетарского интернационализма, ориентированная на поддержку всемирной коммунистической революции, сопровождалась созданием внутри и за пределами СССР разветвленной сети политических структур и революционных организаций. Они преследовали транснациональные цели, касавшиеся радикальной национальной и социальной эмансипации, но при этом были встроены во все более жесткую иерархическую структуру Третьего Интернационала (Коминтерна), основанного в 1919 г. И Коминтерн, и связанные с ним организации вели зачастую параллельную и даже противоречившую политическому курсу советского правительства деятельность.

К началу 1930-х гг. советское руководство, прежде всего Сталин, начинает отходить от поддержки мировой революции в пользу более скромных целей «построения социализма в отдельно взятой стране». Новый подход делал главную ставку на советский патриотизм, а не пролетарский интернационализм и солидарность с угнетенными. Кремль начал все больше ограничивать автономию Коминтерна, превращая его в простое орудие реализации внешнеполитических целей Советского государства и проводя репрессии в отношении сотрудников Коминтерна. Процесс этот в основном завершился к началу Второй мировой войны, а в 1943 г. и сам Коминтерн был упразднен.

Советская политика поддержки революционных движений за рубежом и деятельность Коминтерна в 1920-х и 1930-х гг. способствовала спросу на разработку не только новых и порой научно сомнительных подходов в общественных и гуманитарных дисциплинах, но и на научную экспертизу более прикладного характера, включая научно обоснованные проекты, связанные с политическими задачами социального и национального освобождения Востока. Примером тому могут служить меры по развитию курдских исследований, а также биографии советских ученых, занимавшихся курдоведением.

От Курдистана до Японии: Революционно-научные искания Федора Ростопчина

Федор Ростопчин родился 9 июля (23 июля) 1904 г. [РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 4165. Л. 3] в Москве в семье графа Бориса Викторовича Ростопчина, после революции — начальника организационного отдела в Главном управлении Всеобуча¹ и лектора на курсах по милиционной системе [Должанская, Осипова (сост.), 2004: 102 — 103]. До революции 1917 г., в 1909 — 1911 гг.², семья Ростопчина жила в «*Петербурге на Шпалерной улице около тюрьмы в казенном доме*» [Орден российских тамплиеров, 2003: 287]. Федор Ростопчин воспитывался

¹ Всеобуч (всеобщее военное обучение) — система обязательной военной подготовки граждан, которая существовала в РСФСР и Советском Союзе.

² Фотосвидетельства того периода отражены в семейном альбоме графов Ростопчиных [ЦГАКФФД СПб. П 690].

в 1-м Петербургском кадетском корпусе [Угримов, 2024: 470], так как *«всю жизнь хотел быть военным»*. После революции *«мальчишкой 13 лет»* Ростопчин пошел в Красную Армию, скрывая от родителей *«свое участие в боевых отрядах»* [Орден российских тамплиеров, 2003: 287]. *«Демобилизовавшись, поступил в 75-ю советскую школу и закончил ее в 1922 г.»* [Орден российских тамплиеров, 2003: 288]. Во время учебы в школе Ростопчин ходил, как многие, в военной одежде, увлекся скаутским движением и вступил в скаутский отряд весной 1921 г., и как *«самокатчик»*, т. е. член отряда солдат или милиции на велосипедах, он имел право носить оружие [Угримов, 2024: 465 – 466]. Ростопчин, по словам своего однокашника А. Угримова, *«был аристократом по природе и держал себя удивительно просто. В нем чувствовались порога, тонкий ум и особая врожденная высокая культура, которая передается из поколения в поколение. Скаутизмом³ он ничуть не увлекался, но уделял охотно время воспитанию в этом духе молодых ребят, которые весьма его уважали и тянулись к нему. Его любимым занятием было изучение восточных языков и восточной премудрости, отчего его еще называли “старфак”, то есть старый факир»* [Угримов, 2024: 470]. В качестве самокатчика Ростопчин прикомандировывался к Коминтерну, к Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) и к начальнику Всероглавштаба⁴ Н. И. Раттелю⁵. С 1919 г. по 1921 г. он состоял в комсомоле [Орден российских тамплиеров, 2003: 287], из которого вышел, *«увлекшись анархистскими взглядами бакунинского толка»* [Орден российских тамплиеров, 2003: 284].

Интерес к Востоку возник у Ростопчина под влиянием общения с рядом делегатов восточных стран, с которыми он познакомился во время 2-го Конгресса III Коминтерна. Ростопчин был прикомандирован Московским военкоматом к общежитию делегатов конгресса, где выполнял функции переводчика. Этот интерес привел Ростопчина в Московский

³ Скаутское движение в России возникло в начале XX в., до революции. В 1922 г. после образования Всероссийского пионерского движения часть скаутских организаций была преобразована в пионерские.

⁴ Всероссийский главный штаб Революционного военного совета Республики — один из двух главных штабов Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) во время Гражданской войны и интервенции в России.

⁵ Николай Иосифович Ратель (1875 – 1939) — российский и советский военный деятель, генерал-майор. В 1918 г. добровольно вступил в РККА.

Ил. 1. Заявление Федора Ростопчина о зачислении на работу в КУТВ [РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 4165. Л. 1]

Ил. 2. Федор Ростопчин (1926 г.) [РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 4165. Л. 1]

институт востоковедения им. Н. Нариманова (МИВ), в котором он учился в 1923 – 1926 гг. и окончил по персидскому разряду, а также по экономическому и дипломатическому отделениям, написав под руководством Е. А. Адамова⁶ дипломную работу «Афганистан и англо-русское соперничество в Средней Азии» [РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 4165. Л. 5]. Еще во время учебы в МИВ, летом 1924 г., Ростопчин участвовал в научной экспедиции в Тальшский край (Ленкорань – Астара – персидская граница) [РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 4165. Л. 2; АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 514. Л. 2 – 3]. Вероятно, в ходе этой экспедиции Ростопчин занялся и вопросами, связанными с британским присутствием в прикаспийских районах СССР и в Иране: проблема советско-английского противоборства за влияние на Иран стояла тогда особенно остро после недавнего провала попыток советизации Ирана и в связи с имевшей тогда место сменой династии в этой стране. На мысль о том, что поездка Ростопчина на советско-иранскую границу могла быть связана с данной тематикой, наводит и тема его дипломной работы, а также то, что вскоре после поездки он поступает и заканчивает 8-месячные курсы иностранной торговой корреспонденции на английском языке МОНО⁷ [РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 4165. Л. 2, 3 об.].

С января 1926 г. по 28 ноября 1931 г. Ростопчин работал ассистентом в Кабинете востоковедения и колониальной политики Коммунистического университета трудящихся Востока им. И. В. Сталина (КУТВ) [РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 4165. Л. 2; АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 514. Л. 2, 2 об.; А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 9 об.], который с 1923 г. был передан Восточному отделу Исполкома Коминтерна (ИККИ). Еще в МИВ Ростопчин освоил персидский язык и затем, уже как сотрудник КУТВ, публиковался в изданиях Научно-исследовательской ассоциации по национальным и колониальным проблемам (НИАНКП), таких как «Революционный Восток», где в № 3–5 выходит его «Библиография по курдской проблеме» – первая попытка систематизировать накопившуюся обширную литературу о курдах. Эта работа Ростопчина даже легла в основу изданного в 1996 г. двухтомника «Библиография

⁶ Евгений Александрович Адамов (1881 – 1956) — профессор, доктор исторических наук, возглавлял Общий архив Народного комиссариата иностранных дел (НКВД), автор работ по международному праву и истории международных отношений.

⁷ Московский отдел народного образования (МОНО). Создан в 1920 г.

по курдоведению» [Мусаэлян, 1996а; Мусаэлян, 1996б]. В это время отношение Советского государства к курдскому вопросу было настороженным в связи с реальными и предполагаемыми связями курдского национально-освободительного движения в Турции в 1920 — 1930-е гг. с западными державами, которые оценивались негативно.

В 1931 г. Ростопчин приступил к работе секретаря Персидского кабинета Института востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 514. Л. 2 об.] и по совместительству занимал должность старшего научного сотрудника восточного сектора Государственного Эрмитажа [ОРДФ ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 32. Л. 1 — 2]. Ростопчин участвовал в коллективных работах с коллегами-иранистами, среди которых были Евгений Бертельс, Александр Болдырев и узбекский писатель, поэт, историк и драматург Абдурауф Фитрат [Джумаев, 2022: 62], в частности, принимал участие в описании персидских рукописей Института востоковедения и составлении таджикско-русского словаря. Особое значение имел выполнявшийся им под руководством Бертельса перевод документов из архива джуйбарских шейхов — важного источника по социально-экономической истории Центральной Азии.

В тот же период Ростопчиным был начат перевод труда курдского хрониста Шараф-хана Бидлиси *Шараф-наме* на русский язык. Это произведение, которое признано важнейшим источником по курдской истории, излагает традиционную версию происхождения и родства курдских племен. Таким образом, Ростопчин разрабатывая планы революционизации преимущественно племенного курдского общества, пытался найти исторические истоки племенных структур, что выгодно отличало его от представителей вульгарного марксизма. В то же время перевод *Шараф-наме* не был лишь его личной инициативой: он был предпринят по решению Всесоюзной курдоведческой конференции 1934 г. в Ереване [Курдоев, 1972: 389], на которую Ростопчин был направлен вместе с другими курдоведами из Ленинграда — Олегом Вильчевским, Канатом Курдоевым, Арабом Шамиловым.

Только курдоведением интересы Ростопчина не ограничивались, чему способствовал круг его общения в Ленинграде, в который входили японисты Елена Фолькман⁸, Евгения

⁸ Елена Александровна (Августовна) Фолькман (1894 — после 1957) — японист, научный сотрудник Академии наук.

Колпакчи⁹ и Николай Невский¹⁰, монголовед Владимир Казакевич¹¹, иранист Юрий Верховский¹², курдовед Олег Вильчевский¹³ [А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 9 об., 15]. При всем многообразии личных обстоятельств их жизненные и профессиональные пути отразили в себе трагедию советской политики того времени и траекторию революционного движения, символом которого стала Октябрьская революция. Вильчевский и Ростопчин были не только коллегами и соавторами, а еще и соседями по комнате в коммунальной квартире по адресу пр. Пролетарской Победы (сейчас Большой пр. В.О.), д. 74, кв. 3 [СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 5. Д. 199. Л. 2; ОРДФ ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 279. Л. 1; ОРДФ ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 732. Л. 2], когда Ростопчин выполнял свои служебные обязанности в Институте востоковедения и Эрмитаже. Это соседство было далеко от идиллии: ряд документов свидетельствуют о желании Ростопчина покинуть Институт востоковедения и вернуться в Москву, если ему не будет предоставлена отдельная комната [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 514. Л. 12 – 13], так как у Вильчевских в 1926 г. родилась дочь и в комнате с молодой семьей проживала еще и няня [ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180 – 1. Д. 55. Л. 118].

За это время Вильчевский и Ростопчин опубликовали ряд работ по иранистике и курдоведению как в соавторстве, например, рецензия на работу В. Березкина «В Гюргенской долине», так и по отдельности, но в схожей стилистике и с перекликающейся тематикой (см. Приложение). Обнаружить этот удивительный дуэт помог случай: в списке трудов Вильчевского, которые ожидали публикации, значилась статья под псевдонимом М. Келеш [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 79. Л. 5], вышедшая впоследствии под именем Ростопчина¹⁴. Проблема с ложной атрибуцией работ Ростопчина носит очень серьезный характер.

⁹ Евгения Максимовна Колпакчи (1902 – 1952) — японист, преподавательница Восточного института им. А. С. Енукидзе.

¹⁰ Николай Александрович Невский (1892 – 1937) — японист, айновед, китаист, научный сотрудник Академии наук.

¹¹ Владимир Александрович Казакевич (1896 – 1937) — монголовед, научный сотрудник Академии наук и профессор Государственного Эрмитажа.

¹² Юрий Павлович Верховский (1891 – 1962) — литературовед, иранист, научный сотрудник Академии наук.

¹³ Олег Людвигович Вильчевский (1902 – 1964) — иранист и курдовед, сотрудник Института языка и мышления Академии наук СССР.

¹⁴ См.: Рост-н Ф. Заметки о курдах [Рост-н, 1932].

Его физическая ликвидация дополнялась научной маргинализацией: даже столь крупная работа Ростопчина как «Из архива шейхов Джуйбари: материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века. Тексты. М.; Л.: АН СССР, 1938» вышла под чужим именем. После расстрела ученого ее выпустили с предисловием Бертельса, но без указания, кто был составителем, переводчиком и комментатором. А после войны перевод — якобы проверенный Верховским — был опубликован под одной обложкой с монографическим исследованием по тому же вопросу погибшего в блокадном Ленинграде Павла Иванова¹⁵. Это повлекло за собой окончательное закрепление работы Ростопчина за Ивановым, поскольку выходные данные книги звучали следующим образом: «П. П. Иванов. Хозяйство Джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI — XVII вв. (М.; Л.: АН СССР, 1954)»¹⁶.

Стремление Ростопчина внести свой вклад в мировую революцию способствовало расширению круга его востоковедческих интересов. На протяжении большей части 1930-х гг. СССР сталкивается с серьезными военными угрозами со стороны Японии на Дальнем Востоке, где Коминтерн и советские государственные структуры поддерживали борьбу китайского народа против японских захватчиков, в процессе которой постепенно формировалось китайское революционное движение — от Гоминьдана до Коммунистической партии Китая (КПК) и других левых организаций. Ростопчин неоднократно выражал желание «в случае войны с Японией пойти на фронт добровольцем», но сожалел, что не знает японского. Тогда Фолькман предложила давать ему уроки, и с 1934 г. Ростопчин с ее помощью приступил к изучению японского языка. Фолькман, видя его успехи, предложила составлять вместе с ней японский словарь (она работала в Институте востоковедения АН СССР, где в то время составлялся фундаментальный японско-русский словарь, имевший согласно официальному определению «оборонное значение») [Демич, Костыркин, 2021: 213]. Кроме того, она предлагала ему переменить специальность и поехать для работы на Дальний Восток — в Монголию, на Китайскую Восточную железную дорогу или в Японию по линии Наркоминдела, Внешторга, для

¹⁵ Павел Петрович Иванов (1893 — 1942) — иранист, исследователь Центральной Азии.

¹⁶ Хисматулин А. А. Иранистика в ИВР РАН. (Сайт Института восточных рукописей, Санкт-Петербург). URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/templates/iranica/iranian_studies.htm (дата обращения: 15.06.2024).

Ил. 3. Елена Фолькман (1918 г.)

[ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 3686.
Л. 21 об.]

работы в котором пригодился бы опыт Ростопчина, полученный в Шифровальном отделении всероссийского Главного штаба, или в какую-то другую полувоенную организацию, служба в которой была бы *«сопряжена с опасностью для жизни и с мучениями»*. Ростопчин выразил на это свое принципиальное согласие [А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 10 – 10 об.]. В скором времени НКВД, опираясь на имевшие место связи Ростопчина и Фолькман с иностранными подданными и стремление конспиративно уехать на Дальний Восток, заподозрило обоих в шпионаже в пользу Японии [А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 15 – 16].

Репрессии как продолжение политики другими способами

Подобные подозрения были характерны для той эпохи, и их суть не стоит сводить к буквальному смыслу этих канцелярских фраз. Они связаны скорее с политической борьбой того времени, чем с истинными или приписанными им действиями и намерениями конкретных лиц. По мере того как власть в стране берет в свои руки Сталин, он закрепляет в 1930-х гг. догмат «строительства социализма в одной стране». Смена курса

отразилась и на развитии курдоведения, и на условиях работы Ростопчина, которая становится все менее востребованной. Это не было единовременным событием: в той или иной форме противостояние лидеров Коминтерна и сторонников Сталина шло и в 1920-е и в 1930-е гг.; Коминтерн объективно слабел, не справившись с задачами «революционизации» в 1920-х гг. В результате на определенном этапе сталинская группировка перешла от маргинализации зачастую склонного к авантюризму руководства Коминтерна к масштабным репрессиям в отношении структур Коминтерна и связанных с ним людей. Жертвой этого стал Ростопчин, известный своей активной поддержкой проекта «революционизации Востока» и тесно контактировавший со структурами Коминтерна, более того, как следует из его работ, идеологически близкий к радикальным революционным течениям.

В частности, до 1924 г. Ростопчин разделял политические убеждения анархистов-интериндивидуалистов — братьев Аба и Вольфа Гординых, которые разработали новое социально-политическое учение — пананархизм¹⁷. В 1924 г. он перешел на платформу анархистов-коммунистов, но с 1928 г., убедившись в несостоятельности анархизма, стал коммунистом [А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 18 об. — 19]: *«В 1928 г. я вследствие личных причин совершенно порвал организационно с анархистами и через анархосиндикализм стал отходить от него, т. е. от дела “Всероссийского альянса” анархизма вообще. Я убедился, что анархизм в корне несостоятелен, что основой всего является диктатура пролетариата и без государства и переходного периода социализм восторжествовать не может»* [Орден российских тамплиеров, 2003: 289 — 290].

Однако, когда после убийства Сергея Кирова Ростопчин был арестован, то на допросе в 1935 г. он подчеркивал, что разделяет политику партии, но в коммунистическую партию не пойдет, поскольку *«[имею] свое собственное суждение в каждом отдельном случае и не могу подчиняться чистосердечно тем решениям, которые на меня налагала бы партийная дисциплина»* [А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 12], которая обязала бы его подчиниться *«большинству, причем в отдельных случаях*

¹⁷ Пананархизм, в отличие от других анархистских течений, предлагал особый взгляд на субъекта революционного творчества: рабочий, женщина, представитель национальных меньшинств, представитель молодежи и личность. См.: [Братья Гордины, 1918].

такому, которых я бы не уважал и не считал подлинными коммунистами» [А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 12 об.]. Это был последовательный нонконформизм: ранее, из-за «нежелания подчиниться и невозможности чистосердечно выполнять решения ячейки Комсомола», Ростопчин вышел из ВЛКСМ [А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 13 об.]. Кроме того, согласно материалам следствия после ареста в 1937 г., Ростопчин с 1927 г. состоял в анархо-мистической организации «Орден тамплиеров» и даже убедил в 1935 г. вступить в нее известного востоковеда Юлиана Щуцкого¹⁸ [Орден российских тамплиеров, 2003: 284, 295, 305].

По косвенным признакам можно полагать, что Ростопчин не остановился в своей политической эволюции и к середине 1930-х гг. мог склоняться к некоему радикальному троцкизму либо иному течению, противостоявшему Сталину и его сторонникам, но не ставившему под сомнение коммунистические принципы. На допросе следователь НКВД обвинил его в том, что Ростопчин в 1934 г. после убийства Кирова заявлял о необходимости терактов. Он признал, что оправдывал этот теракт и вообще такую форму борьбы: *«разумеется, что мои колебания не дают основания говорить о том, что я окончательно изжил свои террористические настроения. Эти настроения, возможно, я и высказывал в Ленинграде лицам, с которыми мне приходилось общаться»*. Среди последних был и другой известный курдовед и сосед Ростопчина Олег Вильчевский, хотя о его отношении к этим идеям ничего не известно [Орден российских тамплиеров, 2003: 294]. Достаточно подробные и обстоятельные объяснения Ростопчина в материалах следственных дел выглядят довольно убедительно, тем более что сам подследственный никогда не скрывал своих особых политических взглядов.

Любопытно, что, несмотря на поддержку террора, Ростопчин подчеркивал свое расхождение с компартией по вопросу о смертной казни как политических так и уголовных преступников: он считал возможным заменить ее пожизненным заключением [А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 12 об., 18 об. – 19]. Так, Ростопчин был против расстрела Николаева и других, убивших Кирова, считая, что их можно было заключить под стражу пожизненно, а *«расстрел — это варварство»* [А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 12 об.]. В то же время Ростопчин при-

¹⁸ Юлиан Константинович Щуцкий (1897–1938) — китаист, автор перевода одного из известнейших памятников китайской литературы и философии — «Книги перемен».

знавал свою готовность совершить террористический акт при том условии, чтобы это было бы решением Коминтерна, хотя и подчеркивал, что Коминтерн не делал ставки на террор в своей политике [А УФСБ СПб ЛО. Арх П-78729. Л. 12 об.].

После ареста Ростопчин был выслан на 5 лет в Казахстан (г. Иргиз, Челкар), а в январе 1936 г. добился перевода в Старую Бухару, где через два месяца приступил к работе в Бухарском государственном музее научным сотрудником. Тогда он закончил написанную в Челкаре работу «Указы Кубинских ханов»¹⁹, разобрал архив бывшего визиря бухарского эмира, обнаружил и подготовил к печати уникальные документы о рабстве в Бухаре. Одновременно, как позже рассказывал НКВД сам Ростопчин: *«Сам же я, со своей стороны и не говоря никому об этом, готовил в своей голове план контрреволюционного восстания пограничных племен, например, курдов, шахсенов, белуджей и прочее. Впоследствии эти занятия вылились даже в несколько научную работу, при этом я изучал тактику конного и пешего боя кочевников, чтобы в любой момент быть готовым выступить. Совершенствовался и в языке (иранский), чтобы мочь сразу же и в этом отношении занять определенное место в восстании»* [Орден российских тамплиеров, 2003: 289].

В том же 1936 г. местное УНКВД в Бухаре, признав Ростопчина «социально опасным», лишило его всех прав. 11 февраля 1937 г. Ростопчин был арестован во второй раз и отправлен в Москву. За участие «в контрреволюционной террористической организации» 29 июля 1937 г. он был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Через полвека, 6 мая 1991 г., Фёдор Ростопчин был реабилитирован [Орден российских тамплиеров, 2003: 279].

Репрессии в отношении Ростопчина в некоторой степени могли быть связаны с его нонконформистской позицией, но главную роль в фактическом уничтожении блестящего ученого сыграла эволюция советской государственной системы в это время. Так или иначе пострадали практически все, кто профессионально занимался прикладными исследованиями Ближневосточного региона и в силу этого зачастую взаимодействовал с международными коммунистическими структурами. Решение советского руководства положить конец усилиям Коминтерна, направленным на революционизацию иностранных государств,

¹⁹ См.: [Указы и официальные документы Кубинских ханов XVIII — XIX вв., 1937].

неизбежно вело к политическому столкновению между сторонниками линии Коминтерна и сторонниками укрепления социализма в отдельно взятой стране. В советской политической реальности того времени это привело не к дебатам по существу и поиску компромиссного решения, но к жестким мерам по сворачиванию инфраструктуры поддержки мировой революции, в том числе через отстранение и репрессии в отношении сотрудников и экспертов Коминтерна, вплоть до физического уничтожения. В области востоковедения репрессии затронули даже ключевые направления, имевшие очевидное оборонное значение — например, японистику, ведущих представителей которой арестовывали, а некоторых расстреливали даже на пике военного столкновения с Японией [Демич, Костыркин, 2021: 211 – 212].

В то же время курдоведение пострадало относительно больше других направлений востоковедения в силу незначительного числа подготовленных специалистов и ограниченного объема исследований в данной области. В итоге уже через считанные годы Кремль столкнулся с катастрофической нехваткой квалифицированных кадров. Когда в 1940-х гг. советское руководство снова было вынуждено активно заняться Ближневосточным регионом в свете советской оккупации Ирана, оно возвращает к профессиональной деятельности ранее репрессированных курдоведов и даже доверяет им такие политически деликатные проекты, как создание Мехабадской республики и организация работы с иракскими курдами. Многих — подобно Ростопчину или Василевскому — вернуть было уже невозможно, выживших оказалось недостаточно, и советская сторона была вынуждена заменять их минимально подготовленными экспертами из сопредельных советских республик. Разработки, касающиеся возможного сотрудничества с курдами в революционизации региона, о которых сообщал Ростопчин, но которыми занимался не только он, оказались утраченными или же остались незавершенными.

Трагические события предвоенного времени и траектория мирового революционного движения нашли свое отражение в биографии и научном наследии выдающегося советского курдоведа и ираниста Федора Ростопчина. Его судьба и научная деятельность наглядно иллюстрируют сложное переплетение советского востоковедения с международными революционными проектами и его вовлечение в политические конфликты внутри советской государственно-партийной системы тех лет.

Приложение. Список основных работ Ф. Б. Ростопчина

1. Ростопчин Ф. Библиографический указатель по Персии. М.: КУТВ, 1928.
2. Ростопчин Ф. Турция по справочным изданиям и ежегодникам. Революционный Восток. 1929. 7. С. 335 — 341.
3. Ростопчин Ф. Рец. на кн.: Страны Востока: Экономический справочник. Под ред. С. К. Пастухова, А. Е. Ходорова и Д. И. Шморгонера. М., 1929. Революционный Восток. 1930. № 8. С. 318 — 320.
4. Ростопчин Ф. Рец. на кн.: Sir Arnold Wilson. A Bibliography of Persia. Oxford. Революционный Восток. 1930. № 9 — 10. С. 351 — 352.
5. Рост-н Ф. Заметки о курдах. Бюллетень Прессы Среднего Востока. 1932. № 13 — 14. С. 72 — 93.
6. Ростопчин Ф. Рец. на кн.: Холададэ, Ахмед. Крестьянская доля. Повесть о персидской деревне. Пер. с перс. В. Гардова. М.; Л., ГИХЛ, 1931. (Серия: «Новинки иностранной литературы». Предисловие А. Шехри). Библиография Востока. Вып. 1. Л.: Издательство АН СССР, 1932. С. 80 — 84.
7. Ф. Р. Журнальная библиография (Kasrâvî Tasrîzî — Shahriyârân i Gumnâm. Тегеран, 1307 — 1308, вып. I — III; Журнал торговой палаты. Тегеран, 1932, год 3-й). Библиография Востока. Вып. 1. Л.: Издательство АН СССР, 1932. С. 115.
8. Ростопчин Ф. Библиография по курдской проблеме (Введение К. Василевского) // Революционный Восток. 1933. № 3 — 4(19 — 20). С. 292 — 326.
9. Ростопчин Ф. Библиография по курдским племенам. Революционный Восток. 1933. № 5 (21). С. 159 — 173.
10. Проф. Фитрат. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии (С персидского перевел Ф. Б. Ростопчин). Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Вып. 2. Л.: Издательство АН СССР, 1933. С. 69 — 87.
11. Ростопчин Ф. Б. Заметки о шахсевенах // Советская этнография. 1933. № 3 — 4. С. 88 — 118.
12. Вильчевский О., Ростопчин Ф. Рец. на кн.: Березкин В. В Гюргенской долине. Очерк туркмено-курдского восстания в 1924 — 1926 г. с предисловием редколлегии СААНИУ и приложением географо-социально-экономического очерка Д. Русинова и 5 схем. ОГИЗ, Сред.-Аз. отд. (Самарканд), 1931. 79 стр. Библиография Востока. Вып. 2 — 4 (1933). Л.: Издательство АН СССР, 1934. С. 145 — 147.
13. Ростопчин Ф. Рец. на кн.: Черняковская Е. Г. Хорасан и Сеистан. Ботанико-агрономический очерк Восточной Персии. Л., 1931, 271 стр. Отдельн. оттиск из «Трудов по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. XXIII, 1929/1930. Библиография Востока. Вып. 2 — 4 (1933). Л.: Издательство АН СССР, 1934. С. 147 — 148.
14. Ростопчин Ф. Рец. на кн.: Шамилов Араб. Курдский пастух. Рисунки и обложка Сары Шор. М.: ОГИЗ «Молодая Гвардия», 1931. 64 стр. Библиография Востока. Вып. 5 — 6 (1934). Л.: Издательство АН СССР, 1934. С. 70 — 73.
15. Указы и официальные документы Кубинских ханов XVIII — XIX вв. Пер. Ф. Ростопчина. Под ред. К. И. Чайкина. Тбилиси: Грузинский филиал АН СССР, 1937.

16. Из архива шейхов Джуйбари: Материалы по земельным и торговым отношениям Ср. Азии в XVI в. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1938. [Имя Ростопчина как подготовившего тексты и их перевод к изданию не указано].
17. Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Ср. Азии в XVI – XVII вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1954. [Имя Ростопчина как автора перевода не указано].

Литература

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (АВ ИВР РАН). Ф. 152. Оп. 3. Д. 514.
2. Архив Управления федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (А УФСБ СПб ЛО). Арх П-78729.
3. Братья Гордины. *Манифест пананархистов*. М.: Издание Малого секретариата Северного областного союза анархистов, 1918. 60 с.
4. Гордецкий В.А. *Избранные сочинения*. Т. IV. Этнография, история востоковедения, рецензии. М.: Наука, 1968. 612 с.
5. Демич К. И., Костыркин А. В. Задокументированная лексикография: гранки неопубликованного «Большого японско-русского иероглифического словаря» как исторический источник. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. 1. С. 204 – 219.
6. Джумаев А. «Мы вставали, когда в кабинет входил Фитрат». Абдурауф Фитрат, русская культура и советское востоковедение. *Восток Свыше*. 2021. № 4 (LVIII). С. 50 – 69.
7. Должанская Л., Осипова И. (сост.) *Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста, 1918 – 1922. Помощь политзаключенным. 1922 – 1937*. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2004. 576 с.
8. Курдоев К. К. Курдоведение. *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР*. М.: Наука, 1972. С. 386 – 399.
9. Мартин Т. *Империя «положительной деятельности»*. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.
10. Миллер Б. В. *Предварительный отчет о поездке в Тальши летом 1925 г*. Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана, 1926. 14 с.
11. Мусаэлян Ж. С. *Библиография по курдоведению (начиная с XVI века)*. Часть I. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 448 с.
12. Мусаэлян Ж. С. *Библиография по курдоведению (начиная с XVI века)*. Часть II. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 480 с.
13. *Орген российских тамплиеров*. Т. II. Документы 1930 – 1944 гг. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. М.: «Минувшее», 2003. 376 с.
14. Отдел рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа (ОРДФ ГЭ). Ф. 1. Оп. 13. Д. 279, Д. 732.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 12. Д. 4165.
16. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 5. Д. 199; Ф. 222. Оп. 2. Д. 79.

17. Угримов А. А. *Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту*. М.: Издательство «РА», 2004. 720 с.
18. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб). П 690.
19. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1963. Оп. 180 — 1. Д. 55.
20. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 2. Д. 3686.

References

1. Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (AV IVR RAN). F. 152. Op. 3. D. 514.
2. Archive of the Directorate of the Federal Security Service for Saint-Petersburg and the Leningrad Region (A UFSB SPb LO). Arh P-78729.
3. Brat'ya Gordiny. *Manifest pananarkhistov*. Moscow: Izdaniye Malogo sekretariata Severnogo Oblastnogo Soyuza Anarkhistov, 1918. 60 p. (In Russian).
4. Central State Archive of Film, Photo and Sound Documents of Saint-Petersburg (TSGAKFFD SPb). P 690.
5. Central State Archive of Saint-Petersburg (TSGA SPb). F. 1963. Op. 180 — 1. D. 55.
6. Central State Archive of Saint-Petersburg (TSGA SPb). F. 7240. Op. 2. D. 3686.
7. Gordlevskiy V.A. *Selected works*. Volume IV. Ethnography, history of oriental studies, reviews. Moscow: Nauka, 1968. 612 p. (In Russian).
8. Demich K.I., Kostyrkin A.V. Archived Lexicography: The Galley Proofs of the Unpublished “Great Japanese-Russian Character Dictionary” as a Historical Source. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. P. 204 — 219. (In Russian).
9. Dolzhanskaya L., Osipova I. (Ed.) *Doomed by birth... According to documents of the funds: Political Red Cross, 1918—1922. Help for political prisoners. 1922—1937*. St Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2004. 576 p. (In Russian).
10. Dzhumayev A. “We stood up when Fitrat entered the office”. Abdurauf Fitrat, Russian culture and Soviet oriental studies. *Vostok Svyshe*. 2021. 4(LVIII). P. 50 — 69. (In Russian)
11. Kurdoev K.K. Kurdish studies. *Asian Museum — Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences*. Moscow: Nauka, 1972. pp. 386 — 399. (In Russian)
12. Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939*. Moscow: ROSSPEN, 2011. 662 p. (In Russian).
13. Miller B.V. *Preliminary report on a trip to Talysh in the summer of 1925*. Baku: Society for Survey and Study of Azerbaijan, 1926. 14 p. (In Russian).
14. Musaelyan Zh.S. *Bibliography on Kurdish studies (since the 16th century)*. Part I. Saint-Petersburg: “Peterburgskoye vostokovedeniye”, 1996. 448 p. (In Russian).
15. Musaelyan Zh. S. *Bibliography on Kurdish studies (since the 16th century)*. Part II. Saint-Petersburg: “Peterburgskoye vostokovedeniye”, 1996. 480 p. (In Russian).

16. *Order of the Russian Templars*. Vol. II. Documents 1930–1944. Publication, introductory articles, comments, index by A.L. Nikitin. Moscow: «Minuvsh-eye», 2003. 376 p. (In Russian).
17. Department of Manuscripts and Documentary Funds of the State Hermitage (ORDF GE). F. 1. Op. 13. D. 279, D. 732.
18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 532. Op. 12. D. 4165.
19. Saint-Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). SPbF ARAN. F. 77. Op. 5. D. 199; F. 222. Op. 2. D. 79.
20. Ugrimov A. A. *From Moscow to Moscow via Paris and Vorkuta*. Moscow: Izdatel'stvo «RA», 2004. 720 p. (In Russian).

Информация об авторе

Победоносцева Анжелика Олеговна — кандидат ист. наук, кафедра Истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

E-mail: apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru

Author's Information

Angelika O. Pobedonostseva — PhD in History, Department of Middle Eastern History; Department of African Studies, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University, St Petersburg, Russia.

E-mail: apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru

